DOI: 10.53737/2713-2021.2026.33.99.013

Р.Т. Дарменов, Б.М. Хасенова

ТУМАРЫ В СИСТЕМЕ МУСУЛЬМАНСКИХ МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИК*

Одной из устойчивых форм сакральных предметов Центральной Азии являются амулеты, выполненные из металла или кожи — «тумары» («бойтумары»), «базубанды» и «хайкел». Они имели прямоугольную, квадратную, треугольную или цилиндрическую форму и украшались чернью, позолотой, инкрустацией и арабскими надписями. В доисламский период такие изделия предназначались для хранения глиняного или деревянного божества. После распространения ислама их содержимое постепенно приобрело преимущественно религиозный характер: внутри помещались коранические цитаты и молитвенные тексты. Археологические материалы свидетельствуют о многовековой традиции использования подобных изделий. Об этом говорят находки цилиндрических металлических амулетов, датируемых ранним этапом исламизации Южного Казахстана и Жетысу, в том числе на территории Жамбылской области и городища Тараз. Археологические материалы, в частности, клад эпохи Караханидов (тюркская династия, принявшая ислам в 960 г.), с серебряным тумаром и бусами из камня и стекла, свидетельствуют о трансформации традиции амулетов в условиях исламизации региона. Особенно показательны цилиндрические тумары со съёмными колпачками, украшенные растительным орнаментом в технике черни, ранее не характерной для местного ювелирного искусства. В позднесредневековый период они использовались преимущественно как элементы головного убора, а в этнографическое время вошли в состав женских нагрудных украшений. В статье также рассмотрена их символика по этнографическим данным тюрко-монгольских народов. На основании этого, можно сделать вывод, что тумары демонстрируют сочетание исламских религиозных представлений с более древними магико-охранительными традициями, сохранившимися в материальной культуре народов Центральной Азии.

Ключевые слова: эпоха Средневековья, Центральная Азия, Тараз, Караханидский каганат, клады, амулеты, ислам, символика.

Сведения об авторах: Дарменов Рустем Турарбекович[1], старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан; Хасенова Бакыт Мулдашевна[2], PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, пр. Тауелсиздик, 54, Национальный музей Республики Казахстан, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Абая 22, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, e-mail: alicar@inbox.ru.

Rustem Darmenov, Bakyt Khassenova

TUMARS IN THE SYSTEM OF MUSLIM MAGICAL PRACTICES

One of the most enduring forms of sacred objects in Central Asia are amulets made of metal or leather — “tumars” (“boytumars”), “bazubands” and “haikels”. They were rectangular, square, triangular or cylindrical in shape and decorated with niello, gilding, inlay and Arabic inscriptions. In the pre-Islamic period, such artefacts were intended to house clay or wooden deities. Following the spread of Islam, their contents gradually took on a predominantly religious character: quotations from the Qur’an and prayer texts were placed inside them. Archaeological evidence attests to a centuries-old tradition of using such objects. This is indicated by the discovery of cylindrical metal amulets dating from the early phase of the Islamisation of Southern Kazakhstan and Zhetysu, including in the Zhambyl Region and at the

* Статья подготовлена по программе фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК 2026—2028, ИРН проекта BR31714853.

Статья поступила в номер 18 марта 2026 г.
Принята к печати 9 апреля 2026 г.

© Р.Т. Дарменов, Б.М. Хасенова, 2026.

Taraz settlement. Archaeological finds, in particular a hoard from the Karakhanid period (a Turkic dynasty that adopted Islam in 960), containing a silver tumar and beads made of stone and glass, bear witness to the transformation of the amulet tradition amidst the Islamisation of the region. Particularly telling are the cylindrical tumars with removable caps, decorated with floral ornamentation using the niello technique, which was previously not characteristic of local jewellery art. In the late medieval period, they were used primarily as elements of headdresses, whilst in ethnographic times they became part of women's breast ornaments. The article also examines their symbolism based on ethnographic data from Turkic-Mongolian peoples. On this basis, it can be concluded that tumars demonstrate a combination of Islamic religious beliefs with more ancient magical and protective traditions that have been preserved in the material culture of the peoples of Central Asia.

Key words: Middle Ages, Central Asia, Taraz, the Karakhanid Empire, hoards, amulets, Islam, symbolism.

About the authors: Darmenov Rustem[1], Senior Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan; Khassenova Bakyt[2], PhD, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology.

Contact information:; [1]010000, Kazakhstan, Astana, 54 Tauelsizdik Av., National Museum of the Republic of Kazakhstan, e-mail: darmenov_rustem@mail.ru; [2]010000, Kazakhstan, Astana, 22 Abai St., A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, e-mail: alicar@inbox.ru.

Введение

Одним из распространённых амулетов в Центральной Азии, связанным с установлением ислама являются кожаные или металлические футляры — «тумары» («бойтумары»), «базубанды» и «хайкел». Футляры амулетов могли быть самых разнообразных форм: прямоугольные, квадратные, треугольные и цилиндрические. Как правило, они богато украшены чернью или позолотой, инкрустированы камнями. На них могут быть нанесены как стилизованные, так и подлинные арабские надписи, внутри могли храниться коранические цитаты и молитвы, написанные на бумаге. Они входят в состав украшений всех народов Центральной Азии, исповедующих ислам (напр., у казахов: Маргулан 1994: 175, 177—178).

Как показывают археологические материалы, такие изделия имеют многовековую историю. Об этом свидетельствуют находки металлических амулетов цилиндрической формы, относящихся к раннему периоду исламизации населения Южного Казахстана и Жетысу — в Жамбылской области, а также на городище Тараз. История Тараза, в свою очередь, наиболее наглядно иллюстрирует процесс включения региона в исламский мир.

Городище Тараз — один из древнейших урбанистических центров Южного Казахстана, который находился на оживлённой трассе семиреченского маршрута из Средней Азии в Китай (рис. 1). Первое упоминание о нём содержится в византийских источниках и относится к 568 г., когда во время похода тюрков во главе с Естеми-каганом на персов, здесь произошла встреча с послами Византии и Персии (Пигулевская 1947: 184—214; Жданович 2014: 6—20).

Наивысшего расцвета Тараз достиг после вхождения в геополитическое влияние мусульманских государств — от Арабского халифата до государств Саманидов и Караханидов. В 750—751 гг. на берегу р. Талас произошло сражение между войсками арабов и китайцев, в котором китайцы потерпели сокрушительное поражение (Ибн ал-Асир 2006: 212; Большаков 1980: 132—136). Арабы заняли Тараз и наместником города был назначен арабский военачальник Са'ид ибн Хумайд (Карев 2000: 210—211). Противодействие тюрков вынудило арабов «не присоединять эти территории к своим владениям» (Бартольд 1943: 19). По арабским источникам, здесь в 766—840 гг. правила карлукская династия, которая формально подчинялась халифам Арабского государства. Только поход Исма'ила ибн Ахмада асСамани в 893—894 г. на Тараз привёл к окончательному присоединению города к мусульманского миру (Ибн ал-Асир 2006: 185, 216).

После присоединения Тараза к Арабскому халифату, город становиться крупным торгово-экономическим центром, в источниках он известен, как «Мадинат атТуджжар», т.е. «город купцов» (Калинина 1988: 39). В IX—X вв. город был последним на востоке пунктом мусульманских владений и считался воротами в страну Халлух (дар-и Халлух) и относился к области Испиджаб, которая была местом не только торговли, но и битвы между

мусульманами и неверными тюрками (Ал-Истахри 1939: 177; Ал-Якуби 1939: 149), а также концентрации религиозных общин — мусульман, манихеев и тенгрианцев (асСам'ани 1993: 222; Зуев 2002: 185—205). Арабские источники отмечали, что население городов Тараз, Шалджи, Мирки, Навикат, Фарункат и др. состоит из «мусульман и тюрков», а далее на восток шла «страна войны и неверия» (Ал-Истахри 1939: 178). После распада Караханидского каганата на две части, Тараз вошел в состав восточного владения (Кочнев 2006: 193—207). В середине XI в. Тараз стал столицей удела Ибрахима б. Мухаммада, который принял титул Арслан-хана (Кочнев 2006: 205). В 1098—1099 гг. владетель Тараза и Баласагуна Кадыр-хан Джабра'ил завоевал Западный Караханидский каганат (Кочнев 2006: 216).

Вхождение крупных городов Южного Казахстана и Жетысу в состав исламского мира привело к образованию групп тюрков, принявших ислам — туркоман, что означало «похожий на тюрка» (алБируни 1963: 19).

Как отметил О.К. Караев, переход тюрков в ислам произошел после 943 г. в связи с появлением новой мусульманской династии тюрков — Караханидов (Караев 1983: 95). О принятии ислама Караханидами имеются сведения тюркского историка XIII в. Джемаля Карши, который ссылается на «Историю Кашгара», написанную в XI в. Он пишет о том, что первым его принял Сатук Богра-хан Абд-ал-Керим. Детально датировать данное событие позволило сообщение исламского ученого Ибн-ал-Асира о принятии ислама многочисленным тюркским народом (количеством 200 000 шатров) в 349 г. х./960 г. Это известие, по мнению В.В. Бартольда, нужно связывать с Караханидами (Бартольд 1898: 266—267).

Основные военые действия арабов и других мусульманских правителей не выходили за географической черты оседлости и заканчивались на границе Мавереннахра и Южного Казахстана. Обращение в ислам тюрков в это время шло не «огнем и мечом», а благодаря проникновению в степь суфийских орденов. Поэтому они разделяли весь восток на «страну ислама» (мамлакат ал-ислам) и «страну тюрков» (билад ат-турк) (Ибн ал-Асир 2006: 167). Так, в трудах Махмуда Кашгари имеется хадис следующего содержания: «Всевышний бог сказал: У меня есть войско, ему я дал имя Турк, его я на востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю» (Кононов 1949: 40—47). В изречениях Муавии — основателя династии Омейядов, сказано о тюрках следующее: «не взывай (т. е. не взывайте к исламу) к двоим лежачим...оставьте их в покое, пока они вас оставляют ...» (Зайончковский 1966: 195).

С распространением ислама в городах Южного Казахстана, служивших пограничными центрами мусульманской цивилизации на рубеже Степи, усиливается деятельность суфийских проповедников, сыгравших важную роль в исламизации местного населения. Суфийские братства способствовали адаптации исламского вероучения к местным культурным традициям. В этот период формируются и получают широкое распространение такие духовные течения, как яссавийа, кубравийа и позднее накшбандийа, оказавшие значительное влияние на религиозную и философскую мысль региона. Согласно средневековой традиции, деятельность миссионеров, в том числе Исхак-баба и Баба Тукты Шашты Азиза, способствовала мирному распространению ислама среди степного населения (Мустафина 1992: 81—82). Укрепление позиций суфизма привело к формированию своеобразной региональной модели ислама, в которой ортодоксальные религиозные нормы сочетались с мистико-философскими представлениями и элементами местных духовных традиций.

В настоящее время мы имеем большое количество образцов мусульманских талисманов с коранических текстами, нанесёнными на разные материалы и предметы. Это могли быть отдельные слова, фрагменты аятов или полный текст Корана, упакованные в мешочек, деревянный или металлический футляр, перстень, оружие, сосуд или навершие боевого знамени. Также важной находкой раннего периода распространения ислама является перстень-печать с именем Пророка, обнаруженный на городище Джанкент (Кызылординская область, Республика Казахстан) (Дарменов и др. 2024: рис. 2: 1).

Материалы

Значительный интерес в рамках рассматриваемой темы представляет собой клад эпохи Караханидов, состоящий из различных украшений. В Жамбылском областном историко-краеведческом музее экспонируется комплект из серебряных изделий и бусин, составляющих ожерелье (№ КП-175 18/4-37/Б-3555)[1]. Он поступил в музей в 2007 г. от жителя с. Амангельды (совр. название с. Тамабек, Таласский район, Жамбылская область) (рис. 1). Комплект находился в керамическом сосуде, от которого сохранилось тулово, покрытое черной глазурью. На плечиках сосуда белым нанесены надглазурные псевдонадписи. Выше псевдонадписей сохранились остатки трёх красных кружков с белой каймой и черной точкой в центре.

Фотография комплекта воспроизводилась в научно-популярном издании (Байпаков и др. 2011: 350), но без описания и атрибуции. Также он представлен в каталоге выставки «Неизвестный Казахстан. Археология из сердца Азии», состоявшейся в 2013 г. в Немецком музее горного дела г. Бохум (Unbekanntes Kasachstan 2013: № кат. 752). Так как комплект украшений, составляющий клад, является сейчас единым музейным предметом и экспонируется в постоянной экспозиции музея, при описании мы будем ссылаться на отдельные его детали, пронумерованные на фото (рис. 2).

Из серебра выполнены следующие детали ожерелья.

Амулетница-бойтумар (рис. 2: 1) цилиндрической формы, шестигранная. Длина 6,9 см, высота 3,4 см Верхняя и нижняя грани узкие, боковые — широкие. С одной торцевой стороны выполнен полусферический выступ, заканчивающийся маленькой округлой «шишечкой». С противоположной стороны — аналогично выполненный выступ. Он представляет собой съёмную часть украшения, в виде крышечки она вставлена плотно в цилиндр. Длина крышечки 2,5 мм. Между полусферой и внутренней частью цилиндра выполнен небольшой бортик, предназначенный для оформления части, где они соприкасаются друг с другом. Полусферы украшены тремя концентрическими окружностями, выполненными в технике чернения.

К верхней узкой грани цилиндра крепятся три массивные округлые петли, расположенные на стойках высотой 1,1 см, округлой в сечении. Диаметр петель 5 мм. Необходимо обратить внимание на такую деталь. Крайняя ножка, с одной стороны, размещена на поверхности съёмной крышечки для того, чтобы совместить эту часть украшения с цилиндром, на его поверхности выполнен небольшой специальный паз прямоугольной формы.

С обеих сторон украшения размещены орнаментальные композиции. Каждая из них развёрнута на двух вертикальных широких гранях. С одной стороны, орнамент выполнен по принципу зеркальной симметрии и развёрнут по горизонтали. С другой стороны, на обеих гранях повторяется один и тот же орнаментальный сюжет.

В первом случае центральным элементом композиции являются две пальметты, расположенные на противоположных сторонах декоративного пространства. Они соединены вместе узкой полоской, протянутой от вершины первой фигуры ко второй. Пальметты имеют короткие, закруглённые боковые листья, покрытые поперечной штриховкой. Центральный лист крупный, удлинённый, вытянутый вверх. Растительные фигуры окаймлены широкой заштрихованной рамкой. Штриховка нанесена поперёк или под наклоном, на некоторых участках, при этом, она выполнена под углом по отношению друг к другу. С обеих сторон по центру рамка сужается, образуя дуговидные выемки. За её пределами в образуемом пространстве, в свою очередь, нанесено ещё по одному декоративному элементу. Здесь фиксируются небольшие дуговидные заштрихованные фигуры. Внутри них нанесены два изящных побега с закруглённым слабо выраженным окончанием, ориентированные навстречу друг другу. Чернь присутствует в оформлении фона этой композиции.

С обратной стороны украшения декор нанесён в другой манере, с использованием тонких линий и крупных фигур. Он выполнен следующим образом. От центра в

[1] Благодарим директора Жамбылского областного историко-краеведческого музея С.Р. Ілияс за возможность ознакомится с данным экспонатом.

противоположные стороны направлены два растительных побега, образуя S-видную фигуру. Они заканчиваются крупным завитком, от которого вбок отходит тонкий узкий лист. Рисунок выполнен в технике чернения.

Декоративное пространство на лицевой и обратной стороне окаймлено сдвоенной линией, выполненной чернением. Ещё геометрические фигуры с использованием этой техники повторяются в следующих случаях. Нижняя узкая грань цилиндра украшена продольной линией, нанесённой по центру. На ребре выполнено также по одной линии, они окаймляют прямоугольник, где размещено декоративное заполнение.

Крупные округлые бусины (рис. 2: 6, 9, 27, 29, 33) состоят из двух соединённых вместе полусфер. Диаметр 2,3 см, высота 2,8 см. В месте соединения фиксируется нечёткая линия, по обе стороны от неё нанесена плетёнка, окаймлённая ещё линиями. Все эти декоративные элементы выполнены в технике чернения. Вокруг округлых отверстий сверху и снизу подвесок имеются массивные валики. Они изготовлены из округлого в сечении прута с окончаниями, сведёнными вплотную друг к другу.

Мелкие округлые бусины (рис. 2: 16, 20), также, как и крупные изготовлены из двух полусфер, диаметром 1,4 см. По центру имеется выпуклая линия, выполненная из крученой проволоки в технике филиграни. У одной подвески фиксируется один виток проволоки, с заходящими друг на друга окончаниями. Второе украшение декорировано с помощью трёх таких витков.

Каплевидные (сферо-конические) бусины-пронизи (рис. 2: 17, 19). Небольшой уступчик разграничивает полусферу в основании фигуры и конус остальной части украшения. Длина 4,2 см, диаметр 1,5 см. Диаметр отверстия в основании 4 мм, в верхней части — 7 мм. С обеих сторон отверстия окаймляются небольшими валиками, имеющими, соответственно, разный диаметр. В конической части изделия фиксируется продольная слабо выраженная выпуклая и, частично, углубленная неровная линия, отмечающая место стыка пластины, из которой сделана подвеска.

Овальная бусина (рис. 2: 32) так же, как и остальные, спаяна из двух полусфер, диаметром 2,1 см, длиной 1,6 см. По центру нанесена выпуклая полоска филиграни, выполненная из четырёх витков крученой проволоки. Полоска шириной 2,5 мм. По обеим сторонам подвески выполнены округлые отверстия.

Фрагмент бусины (рис. 2: 34). Сохранился только небольшой фрагмент участка, где размещалось отверстие. Оно было окружено крупным валиком, выполненным из округлого в сечении прута.

Также в состав ожерелья входили каменные и стеклянные бусины.

Гагатовые бусины представлены несколькими формами. Имеются три крупные бусины грушевидной формы, длиной 2,3 см, диаметром 1,8—1,9 см, одна из них состоит из двух фрагментов и при низке на нитку для экспонирования их разделили (рис. 2: 8, 23 и 18а и 18б), две бусины имеют бочонковидную (длина 0,7 см, высота 1,1 см) (рис. 2: 5, 28), одна — шаровидную форму, диаметром 0,8 см (рис. 2: 21), две — бочонковидные ребристые, длиной 0,8—1 см, диаметром 1,2—1,3 см (рис. 2: 12, 24), ещё одна — кубическая со скруглёнными углами (1,8 × 1,8 см) (рис. 2: 13). **Халцедоновые бусины** эллиптоидной формы белого цвета, длиной 1,8 см, диаметром 1,3—1,5 см (рис. 2: 11, 25). По одному экземпляру фиксируются **кварцевая подвеска** в форме топорика длиной 1,3 см (рис. 2: 22) и округлая, уплощенная **сердоликовая бусина** диаметром 1,1 см (рис. 2: 10). **Коралловые подвески** продолговатой формы имеют длину от 3,5 до 5,8 см (3 экз.) (рис. 2: 4, 30, 31).

Стеклянные бусины черного цвета с бело-голубыми глазками (рис. 2: 2, 3, 7, 26) бочонковидной формы двух разновидностей: крупные длиной 1,4—1,5 см, диаметром 1,4 см, средние длиной 0,8 см, диаметром 1 см. Сильно ирризированная шаровидная **бусина из зеленого стекла** имеет диаметр 1,2 см (рис. 2: 15).

В ходе археологических исследований на городище Тараз выявлены два клада золотых и серебряных украшений, которые, по мнению авторов коллективного труда «Тарихи Тараз.

Художественное серебро эпохи Караханидов», могли принадлежать ювелирам и сокрыты не ранее середины XI в. в связи с военной экспедицией сельджукского султана Малик-шаха (Смаилов и др. 2025: 217). В состав клада 2017 г. входили два серебряных тумара, представляющих собой полые шестигранные футляры со слегка вытянутым призматическим корпусом и двумя полусферическими колпачками, завершающимися выпуклыми навершиями (рис. 3: 1—3). В их оформлении блестяще продемонстрированы художественные достоинства техники чернения: с её помощью заполнялся фон или же акцент делался на самом орнаменте. Более крупный тумар декорирован с одной стороны крупным S-видным завитком, с другой — композицией из двух противопоставленных трёхчастных полупальметт (Смаилов и др. 2025: № кат. 41). Украшение меньшего размера покрыто более схематичным орнаментом, состоящим из S-видных завитков и меандра (Смаилов и др. 2025: № кат. 42).

Украшения, аналогичные таразским тумарам, обнаружены в составе кладов из Сиджака (Бостанлыкский район, Ташкентская область, Республика Узбекистан) и Сайрам-су (найден недалеко от г. Шымкент, Республика Казахстан), датируемых X—XII вв. (рис. 3: 4—5). Эти украшения представляют собой футляры удлинённо-призматической формы, изготовленные из тонкого листового серебра. Их концы завершались куполовидными колпачками, один из которых выполнял функцию крышки. Подвешивались футляры горизонтально с помощью трёх петель. Форма шестигранной призмы чуть уплощена, так что две передние и две задние грани широкие, а верхняя и нижняя более узкие.

Призматическая часть футлярчиков сплошь орнаментирована. Узор наносили гравировкой, чеканкой, тиснением, чернью и золочением (Ахраров, Темиргалиев 1966: 120—122; Фахретдинова 1988: 53). Узоры стилистически не повторялись, украшая две передние грани, причем в форме каждой грани соотвествовала своя композиция, объединённая в общую одночастную или трёхчастную композицию. При любом композиционном членении образующие её прямоугольные поля заполнялись разнообразным орнаментом, изображениями животных: хищников, слона, птиц, растений. Также на амулетницах были нанесенены псевдоарабские или подлинные надписи с благочестивыми или благожелательными изречениями (Фахретдинова 1988: 53).

Клад из Сайрам-су, на основании обнаруженных монет, датируется второй четвертью XI в. (Путешествие ибн-Фадлана 2016: 131). Как отметила Д.А. Фахретдинова, клады Сиджака и Сайрам-су принадлежали ювелирам, так как, наряду с готовыми изделиями, присутствовали поношенные, поломанные изделия, куски серебра (Ахраров, Темиргалиев 1966: 120—122; Фахретдинова 1988: 53). В кладе из Жамбылского музея лежали только украшения.

Наиболее поздние археологически известные тумары относятся к монгольскому периоду, когда они получают широкое распространение в составе костюма элиты Монгольской империи и Золотой Орды. Особое место тумары занимают в декоре знаменитых ***боктаг***[2]. В отличие от более ранних традиций, они изменяют своё положение в костюме и закрепляются в средней части головного убора, в месте его расширения кверху. На уникальном боктаг из Внутренней Монголии (собрание фонда Марджани) два серебряных цилиндрических тумара размещены на лицевой и тыльной сторонах головного убора и соединены между собой цепочками (Крамаровский 2015: № кат. 256).

Высокий статус подобных изделий подтверждают материалы Симферопольского клада, включавшего 328 предметов и, по мнению М.Г. Крамаровского, принадлежавшего представителю высшей аристократии (Крамаровский 2001: 304—305). В его составе представлены золотые цилиндрические тумары двух типов: четыре ажурных, выполненных в технике филиграни, и один цельнометаллический (Крамаровский 2001: № кат. 483—486, 489). Конструкция последнего, в частности оформление колпачков на окончаниях, близка экземпляру из Жамбылского музея, а его внутренняя полость была заполнена фисташковой смолой (Крамаровский 2001: 331, № кат. 489).

[2] Высокие головные уборы знатных женщин Монгольской империи.

К числу позднесредневековых находок относятся также серебряный цилиндрический бойтумар, украшенный филигранью и обнаруженный в результате грабительских раскопок в окрестностях г. Семей (Дмитриева, Левашова 1965: рис. 5, 8), его бронзовый аналог — из разрушенного женского погребения близ с. Алмалы в Жетысу (Тулегенов, Хасенова 2023: рис. 3: 2). Эти материалы свидетельствуют о сохранении традиции изготовления цилиндрических тумаров в монгольскую эпоху и её дальнейшем развитии в ювелирном искусстве казахов.

Обсуждение

Проникновение ислама в Центральную Азию принесло большие изменения в материально-духовной культуре проживающих здесь народов. Военная и экономическая экспансия Арабского халифата разрушила древние устои, культы и ритуалы, а также мировоззрение коренного населения. На огромном пространстве от Пиренеев до Памира и Восточного Туркестана на обломках государственных образований поздней Античности и кочевых держав возникали государства мусульманского Средневековья.

В условиях преобладания неарабского населения на территории Арабского халифата, связанных с культурой, мировоззрением и традициями предшествующей эпохи, возникает «народный ислам», отличавшийся от «аравийского (классического) ислама». Огромную роль в развитии, становлении и распространение «народного» ислама у неарабского населения сыграли суфийские учения и их адепты. Мировоззрение членов суфийских орденов и их аллегорическое истолкование Корана на примере использования имени Аллаха привело к широкому проникновению фрагментов коранического текста в быт, когда вера в магическую силу «слова Аллаха» привело к массовому проявлению «аятов и сурр» в изделиях оружейников, ювелиров, гончаров, строителей и ткачей (Резван 2011: 149—178).

Суфии внесли в ислам магию чисел, слов, цветов, запахов, заклинания и заговоры. Именно в это время входят в обиход многочисленные Кораны-талисманы (Резван 2001: 321—350). Всё более широкое распространение получает использование отдельных сур и аятов в магических целях. Их зачитывали вслух или записывали на самые разнообразные материалы (бумага, шелк, кусок одежды девочки, серебро, золото, различная посуда, зеркало, старый женский гребень и др. вещи) (Вамбери 1877: 23; Семёнов 1942: 311; Жданко 1952: 36; Захарова, Ходжаева 1964: 136; Иванов, Махова 1968: 116; Сазонова 1970: 113—142).

Этимология происхождения названия амулетов показывает, что наиболее древнее из них «хайкел», которое встречается у каракалпаков, туркмен, башкир, узбеков и таджиков. Само слово «хайкел» иранского происхождения и обозначает «скульптуру», «памятник» (Алламуратов 1989: 77—82). У каракалпаков такое украшение с вставками камней, цепочками, подвесками девушки носили до замужества, по сообщению некоторых информаторов, вплоть до рождения одного-двух детей. В детском костюме бытовали тумары в виде небольших серебряных цилиндрических футляров, которые пришивались к одежде, обычно на спине. В них помещали листки с молитвами (*дуа*), написанными муллой, а также лекарственные растения и сакральные предметы. Цилиндрическая форма этих амулетниц, вероятно, сохраняла символическую связь с представлениями о плодородии и охранительной магии (Этнография каракалпаков 1980: 98—100).

Как отметила Н.Г. Борозна, опираясь на собранную информацию, хайкел-амулетница предназначался первоначально для хранения глиняного или деревянного божка (Борозна 1975: 291). В книге «История Бухары» Мухаммеда Наршахи дается информация о празднование праздника Махруч, которые согдийцы справляли два раза в год — в 12-ый день месяца Нисандж и в 12-ый день месяца Бесакандж (Наршахи 2011: 32, 205). Этот праздник был связан с культом божества Луны (Бируни 1957: 254). «Два раза в год по одному дню там проводился базар. Каждый раз, когда был базар, [на нём] продавали идолов. В течение одного дня торговали больше, чем на пятьдесят тысяч дирхамов»...«из года в год изготавливали идолов, и в назначенный день доставляли [их] на этот базар и продавали, а люди [их] покупали. Все, у кого

[идол] потерялся или сломался, или устарел, когда наступал день базара, покупали других [идолов], а старых [идолов] выбрасывали» (Наршахи 2011: 32).

И.А. Кастанье в описании погребального обряда торгоутов Тарбагатая описывает антропоморфные фигурки — «кошачулу», слепленные из пепла умерших и глины для увековечения его памяти (Кастанье 1910: 307—320). Также им было выдвинуто предположение, что антропоморфные изображения могли заменять телесную оболочку и быть божественным двойником.

Принцип применения этих амулетов восходит к магическим представлениям и фетишизму. Цилиндрическая форма тумаров и тот факт, что их носили для того, чтобы было много детей, имеет связь с фаллическими культами плодородия древнего Востока. В комплекс украшений невесты должно было входить несколько тумаров: буйин-тумар (шейный), кукрак-тумар (нагрудный), култук-тумар (его носили под рукой), среди которых основной формой являлись треугольные и цилиндрические (рис. 3: 6—8). Таким образом, обычай ношения тумаров, вероятно, связан генетически с идеей плодородия. Тумары могли быть украшены подвесками в виде иголочек, монет или бусин кузмунчак (Резван 2007: 54).

Н.Г. Борозна обратила внимание на бухарский тип такого украшения, состоящий из трёх тумаров, соединённых между собой цепочками. Центральный элемент — треугольной формы, боковые имеют прямоугольную форму. Это украшение невесты носили в области бедер. Считалось, что они обеспечивали богатым потомством и делали роды легкими (Борозна 1975: 291). Аналогичный оберег встречается у хакасов — нагрудный оберег *пого (момах)*[3]. В традиционной культуре беременные женщины ранее носили *пого* на уровне пояса, что связывалось с его защитной функцией — обереганием будущего ребёнка от дурного взгляда и негативного воздействия (Москвина 2013: 85; Огурцова 2025: 74—76).

Следует отметить, что в монгольскую эпоху мы имеем изменение способа ношения амулетниц. Они начинают закрепляться на головных уборах, что по нашему мнению связано с традиционной сакрализацией волос. У хакасов первые косички девочек могли заплетаться с использованием пуповины, которая воспринималась как сакральный предмет. У теленгитов пуповины (киндик), хранившиеся в кожаных мешочках, вплетали в косы девочек, а позднее этот мешочек закрепляли на украшении *шалтрак*[4] (Москвина 2013: 84). Эти представления нашли отражение в фольклорных и этнографических материалах. Так, в бурятской легенде о шамане Барлаке небесные покровители вручают ему конские волосы и землю как символ богатства и многочисленного потомства (Сагалаев, Октябрьская 1990: 79).

Заключение

По мнению Э. Гюль, амулеты-тумары восходят к культуре подвижных скотоводов и представляют собой особый вид ювелирных украшений, тесно связанный с магико-охранительными представлениями степных кочевников. Их происхождение относится к архаическим пластам культуры, а широкое распространение обусловлено миграциями тюркских племён. После принятия ислама тумар был интегрирован в мусульманскую традицию как оберег с коранических текстами, сохранив при этом отдельные элементы более ранней магической символики (Гюль, 2008).

Традиционная вера в амулеты восходит не к времени распространения ислама, а к гораздо более раннему периоду истории человечества, о чем свидетельствует этнографический материал, относящийся ко всем народам мира. Поэтому рассмотрение амулетов важно, прежде всего, для изучения наследия древних верований в поздних религиях. Важным является рассмотрение этих сакральных предметов в исторической ретроспективе. В исламском мире запрещалось использовать амулеты, но нанесение на

[3] Хакасский женский нагрудный оберег полумесяцевидной формы, украшенный перламутром, кораллом, бисером и символизировавший плодородие и защиту.

[4] Хакасский наспинный оберег-пластина с украшениями и футляром для пуповины.

такое изделие имени Аллаха или коранических аятов делали его использование допустимым и одобряемым (Резван 2011: 150). В основном на таких амулетах писались формулы типа «к Аллаху я прибегаю» (2: 67) и их разнообразные вариации. В мусульманских трактатах, посвященных изготовлению талисманов и амулетов, приводятся правила оформления сакральных надписей и использования разнообразных элементов для их художественного оформления (Резван 2007: 51). На них должны быть нанесенные специальные рисунки — фигурок ангелов, людей, животных, символы Луны, Солнца, планет, геометрические и растительные узоры и известная «рука Фатимы».

Принятие ислама населением Центральной Азии наглядно демонстрируют инновации в предметном мире, фиксируемые археологически. Одной из устойчивых форм сакральных изделий рассматриваемого времени и в последующие века стали тумары цилиндрической формы со съемным колпачком. Они украшались пышным растительным орнаментом с использованием техники черни, не характерной до этого для ювелирного искусства региона. В эпоху позднего Средневековья, насколько это известно по имеющимся материалам, они входят в состав не нагрудных украшений, а деталей оформления головного убора. В свою очередь, в этнографическое время происходит окончательная локализация — в верхней части женского костюма, по преимуществу, в составе ожерелий, а также функция — выступать в качестве вместилища для хранения текстов из Корана. Вопрос об их содержимом на ранних этапах распространения ислама остается открытым. В плане их назначения, к числу возможных аналогий предшествующего времени могут быть, отнесены также эффектные амулеты раннего Средневековья, получившие распространение в том числе в этих же географических пределах, что и изучаемые тумары — парные чаши (формулировка В.Е. Флёровой) или самоварчики (название С.А. Плетнёвой) (Флёрова 2001: 68). Они предназначались, по мнению В.Е. Флёровой, для каких-то сокровенных реликвий, видимо, органического происхождения (Флёрова 2001: 68). Один из случаев фиксации такого содержимого наблюдается, например, у тумара из Симферопольского клада, заполненного фисташковой смолой, которая обладает значительными фармакологическими свойствами, известными на протяжении 2500 лет вплоть до нашего времени (Pachi et al. 2020: 4).

Литература

Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи. 2011. *Та'рих-и Бухара*. *История Бухары*. Перевод, комм. и прим. Ш.С. Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е.Г. Некрасовой. Ташкент: SMIA-SIA.

Ал-Истахри. 1939. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик». *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I, 167—181.

Алламуратов А. 1989. Каракалпакское нагрудное украшение хайкель. Басилов В.Н., Кузеев Р.Г. (ред.). *Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана*. Нукус: Каракалпакстан, 77—87.

Ал-Якуби. 1939. Извлечения из «Китаб ал-булдан». *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I, 146—150.

Ахраров И., Темиргалиев Г.З. 1966. Клад серебряных украшений из Сиджака. *Советская этнография* 3, 119—12.

Байпаков и др. 2011: Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. 2011. *Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области*. Тараз: ТОО «Археологическая экспертиза».

Бартольд В.В. 1898. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Т. I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Бартольд В.В. 1963. *Очерк истории Семиречья*. Т. 2. Ч. 1. Москва: Наука, 23—106.

Бируни Абу Рейхан. 1957. *Избранные произведения*. Т. 1. Перевод с арабского и примечания М.А. Салье. Ташкент: АН УзССР (Памятники минувших поколений).

Большаков О.Г. 1980. К истории Таласской битвы (751 г.). *Страны и народы Востока* 22, 132—136.

Борозна Н.Г. 1975. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. *Домусульманские верования и обряды в Средней* Азии. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 294—295.

Вамбери А. 1877. *Очерки и картины восточных нравов*. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».

Гюль Э. 2008. *К вопросу о генезисе амулетниц-тумаро*в. Евразийский исторический сервер. URL: https://www.academia.edu/15111905/К_вопросу_о_генезисе_амулетниц_тумаров (дата обращения 12.02.2026).

Дарменов и др. 2024: Дарменов Р.Т., Хасенова Б.М., Назаров А.Ж. 2024. Перстень-печать с надписью «Muhammad» из средневекового городища Джанкент. *МАИАСП* 16, 512—526.

Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. 1965. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков. *СА* 2, 225—236.

Жданко Т.А. 1952. Каракалпаки Хорезмского оазиса. В: Толстов С.П., Жданко Т.А. (ред.). *Труды ХАЭЭ* I, 461—567.

Жданович О.П. 2014. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора). *Золотоордынское обозрение* 2 (4), 6—20.

Зайончковский А. 1966. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII—XI вв.). В: *Тюркологический сборник*. К 60-летию А.Н. Кононова. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 194—201.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. 1964. *Казахская национальная одежда (XIX — начало XX в.)*. Алма-Ата: Наука.

Зуев Ю.А. 2002. *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии*. Алматы: Дайк-Пресс.

Ибн ал-Асир. 2006. «*ал-Камил фи-т-та'рих» («Полный свод истории»*). Перевод с арабского языка, прим. и комм. П.Г. Булгакова (дополнения к переводу, примечания и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолиддина). Ташкент: O'zbekiston.

Иванов С.В., Махова Е.И. 1968. Художественная обработка металла. *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*. Т. V. *Народное декоративно-прикладное искусство киргизов*. Москва: Наука.

Караев О. 1983. *История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.*). Фрунзе: Илим.

Карев Ю.В. 2000. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII в. *Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной*. Москва: Пересвет, 205—218.

Кастанье И.А. 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*; вып. 22. Оренбург: Типо-литография товарищества «Каримов, Хусаинов и К°».

Кононов А.Н. 1949. Опыт анализа термина тӱрк. Советская этнография 1, 40—47.

Крамаровский М.Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Крамаровский М.Г. 2015. Бокка в «портрете» дамы на фрагменте росписи из Турфанского оазиса (храм «Т» в Кочо). «*Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батутты: Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 413—419.

Маргулан А.Х. 1994. *Казахское народное прикладное искусство*. Т. 3. Альбом. Алматы: Өнер.

Москвина М.В. 2013. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая. *Гуманитарные науки в Сибири* 3, 83—86.

Огурцова О.С. 2025. Сакральные смыслы хакасского женского оберега «поґо́». *Вестник РГГУ*. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» 7, 69—80. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-69-80.

Пигулевская Н.В. 1947. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. *ВВ* I, 184—214.

Резван Е.А. 2001. *Коран и его мир*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Резван М.Е. 2007. Овеществленное Слово: талисман, обереги, амулеты. Рахимов Р.Р. (ред.). *Центральная Азия: Традиция в условиях перемен*. Санкт-Петербург: Наука.

Резван М.Е. 2011. *Коран в системе мусульманских магических практик*. Санкт-Петербург: Наука.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. 1990. *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал*. Новосибирск: Наука.

Сазонова М.В. 1970. Украшения узбеков Хорезма. *Традиционная культура народов Передней и Средней Азии*. Т. XXVI. Ленинград: Наука, 113—142.

Семёнов А.А. 1912. Из области воззрений мусульман Средней Азии и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. *Мир ислама* I (3), 293—321.

Смаилов и др. 2025: Смаилов Ж.Е., Торгоев А.И., Хасенова Б.М. 2025. Тарихи Тараз. Художественное серебро эпохи Караханидов. В: Онгарулы А. (ред.). *Археологическая коллекция Казахстана*. Т. IV. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана.

Тулегенов Т.Ж., Хасенова Б.М. 2024. Символы времени: предметы торевтики из женского погребения XIII—XIV вв. близ с. Алмалы (Юго-Восточный Казахстан*). Археология Казахстана* 2, 212—224.

Флёрова В.Е. 2001. *Образы и сюжеты мифологии Хазарии*. Москва: Мосты культуры.

Фахретдинова Д.А. 1988. *Ювелирное искусство Узбекистана*. Ташкент: Издательство литературы и искусства.

Этнография каракалпаков 1980: Жданко Т.А., Камалов С.К. (ред.). 1980. *Этнография каракалпаков XIX — начало XX в. (материалы и исследования)*. Ташкент: Фан.

Pachi et al. 2020: Pachi V.K., Mikropoulou E.V., Gkiouvetidis P., Siafakas K., Argyropoulou A., Angelis A., Mitakou S., Halabalaki M. Traditional uses, phytochemistry and pharmacology of Chios mastic gum (Pistacia lentiscus var. Chia, Anacardiaceae): A review. *Journal of Ethnopharmacology* 254. DOI: 10.1016/j.jep.2019.112485.

References

Abu Bakr Muhammad ibn Ja'far al-Narshakhi. 2011. *Ta'rikh-i Bukhara. Istoriya Bukhary (History of Bukhara)*. Translation, commentary and notes by Sh.S. Kamoliddin. Archaeological and topographical commentary by E.G. Nekrasova. Tashkent: SMIA-SIA (in Russian).

Al-Istakhri. 1939. In *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the History of Turkmens and Turkmenia)* I, 167—181 (in Russian).

Allamuratov, A. 1989. In Basilov, V.N., Kuzeev, R.G. (eds.). *Etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Ethnic History and Traditional Culture of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Nukus: Karakalpakstan, 77—87 (in Russian).

Al-Ya'qubi. 1939. In *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the History of Turkmens and Turkmenia)* I, 146—150 (in Russian).

Akhrarov, I., Temirgaliev, G.Z. 1966. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* 3, 119—122 (in Russian).

Baipakov et al. 2011: Baipakov, K.M., Kapekova, G.A., Voyakin, D.A., Mar'yashev, A.N. 2011. *Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoj oblasti (Taraz Treasures of Ancient and Medieval Taraz and the Zhambyl Region)*. Taraz: TOO "Arkheologicheskaya ekspertiza" (in Russian).

Bartol'd, V.V. 1898. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya (Turkestan Down to the Mongol Invasion)*. Vol. I. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).

Bartold, V.V. 1963. In *Sochineniya v 9 tomakh (Works in 9 volumes*) 2 (1). Moscow: Nauka, 23—106 (in Russian).

Biruni, Abu Rayhan. 1957. In: *Izbrannye proizvedeniya (Selected Works)*. Vol. 1. Tashkent: AN UzSSR (in Russian).

Bol'shakov, O.G. 1980. In *Strany i narody Vostoka (Countries and Peoples of the East*) 22, 132—136 (in Russian).

Borozna, N.G. 1975. In: *Domusul'manskie verovaniya i obryady v Sredney Azii (Pre-Islamic Beliefs and Rites in Central Asia)*. Moscow: Nauka, 294—295 (in Russian).

Vambéry, A. 1877. *Ocherki i kartiny vostochnykh nravov (Sketches and Scenes of Oriental Manners)*. Saint Petersburg: Tipogrsfiys tovarischestva "Obshchestvennaya polza" (in Russian).

Gul, E. 2008. *K voprosu o genezise amuletnits-tumarov (On the Issue of the Genesis of Tumar Amulet Cases)*. Eurasian Historical Server. Available at: https://www.academia.edu/15111905/К_вопросу_о_генезисе_амулетниц_тумаров (accessed 14.02.2026) (in Russian).

Darmenov et al. 2024: Darmenov, R.T., Khasenova, B.M., Nazarov, A.Zh. 2024. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 512—526 (in Russian).

Dmitrieva, E.N., Levashova, V.P. 1965. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology*) 2, 225—236 (in Russian).

Zhdanko, T.A. 1952. In: Tolstov, S.P., Zhdanko, T.A. (eds.). *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Khorezm Archaeological-Ethnographic Expedition)* I. Moscow: AN SSSR, 461—567 (in Russian).

Zhdanovich, O.P. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 2 (4), 6—20 (in Russian).

Zajączkowski, A. 1966. In *Tyurkologicheskiy sbornik. K 60-letiyu A.N. Kononova (Turkological Collection. To the 60th Anniversary of A.N. Kononov)*. Moscow: Nauka, 194—201 (in Russian).

Zakharova, I.V., Khodzhaeva, R.D. 1964. *Kazakhskaya natsional'naya odezhda (XIX — nachalo XX v.) (Kazakh National Clothing (19th — Early 20th Centuries))*. Almaty: Nauka (in Russian).

Zuev, Yu.A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (Early Turks: Essays on History and Ideology)*. Almaty: Daik-Press (in Russian).

Ibn al-Athir. 2006. “*al-Kamil fi-t-ta’rikh” (“The Complete History”)*. Translation from Arabic, notes and commentary by P.G. Bulgakov; additions, notes, commentary, introduction and indexes by Sh.S. Kamoliddin. Tashkent: O’zbekiston (in Russian).

Ivanov, S.V., Makhova, E.I. 1968. In *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kirgizov (Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition. Folk Decorative and Applied Art of the Kyrgyz)*. Vol. V. Moscow: Nauka (in Russian).

Karaev, O. 1983. *Istoriya Karakhanidskogo kaganata (X — nachalo XIII vv.) (History of the Karakhanid Khaganate (10th — Early 13th Centuries))*. Frunze: Ilim (in Russian).

Karev, Yu.V. 2000. In: *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu nauchnoy deyatel’nosti G.V. Shishkinoy (Materials of the International Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Scientific Activity of G.V. Shishkina)*. Moscow: Peresvet, 205—218 (in Russian).

Kastanye, I.A. 1910. In *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Orenburg Scholarly Archival Commission 22*). Orenburg: Karimov, Khusainov and Co. Typography (in Russian).

Kononov, A.N. 1949. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* 1, 40—47 (in Russian).

Kramarovs’kyi, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul’turnoe nasledie Zolotoy Ordy (Gold of the Chinggisids: Cultural Heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Kramarovs’kyi, M.G. 2015. In “*Podarok sozertsayushchim”. Stranstviya Ibn Batutty: Katalog vystavki (“A Gift to Those Who Contemplate”. Travels of Ibn Battuta: Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 413—419 (in Russian).

Margulan, A.Kh. 1994. *Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo (Kazakh Folk Applied A*rt) 3. Album. Almaty: Oner (in Russian).

Moskvina, M.V. 2013. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 83—86 (in Russian).

Ogurtsova, O.S. 2025. In *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya” (RGGU Bulletin. Series “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”)* 7, 69—80. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-69-80 (in Russian).

Pigulevskaya, N.V. 1947. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantine Annals)* I, 184—214 (in Russian).

Rezvan, E.A. 2001. *Koran i ego mir (The Qur’an and Its World)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

Rezvan, M.E. 2007. In: Rakhimov, R.R. (ed.). *Tsentral’naya Aziya: Traditsiya v usloviyakh peremen (Central Asia: Tradition in the Context of Change*). Saint Petersburg: Nauka. Available at: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025231-8/978-5-02-025231-8_02.pdf (in Russian).

Rezvan, M.E. 2011. *Koran v sisteme musul’manskikh magicheskikh praktik (The Qur’an in the System of Muslim Magical Practices*). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Sagalaev, A.M., Oktyabr’skaya, I.V. 1990. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual (Traditional Worldview of the Turks of South Siberia. Sign and Ritual*). Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Sazonova, M.V. 1970. In *Traditsionnaya kul’tura narodov Peredney i Sredney Azii (Traditional Culture of the Peoples of the Near and Middle East)* XXVI. Leningrad: Nauka, 113—142 (in Russian).

Semenov, A.A. 1912. In *Mir islama (World of Islam)* I (3), 293—321 (in Russian).

Smailov et al. 2025: Smailov, Zh.E., Torgoev, A.I., Khasenova, B.M. 2025. *Tarikhi Taraz. Khudozhestvennoe serebro epokhi Karakhanidov. Arkheologicheskaya kollektsiya Kazakhstana (Historical Taraz. Artistic Silver of the Karakhanid Era. Archaeological Collection of Kazakhstan*) IV. Ongaruly, A. (ed.). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Tulegenov, T.Zh., Khasenova, B.M. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 2, 212—224 (in Russian).

Fakhretdinova, D.A. 1988. *Yuvelirnoe iskusstvo Uzbekistana (Jewelry Art of Uzbekistan)*. Tashkent: Literature and Art Publ. House (in Russian).

Flerova, V.E. 2001. Obrazy i syuzhety mifologii Khazarii (Images and Motifs of the Mythology of Khazaria). Moscow: Mosty kul’tury (in Russian).

Etnografiya karakalpakov 1980. In: Zhdanko, T.A., Kamalov, S.K. (eds.). *Etnografiya karakalpakov XIX — nachalo XX v. (materialy i issledovaniya)* (*Ethnography of Karakalpaks of the 19th — Early 20th Centuries (Materials and Research))*. Tashkent: Fan (in Russian).

Pachi et al. 2020: Pachi, V.K., Mikropoulou, E.V., Gkiouvetidis, P., Siafakas, K., Argyropoulou, A., Angelis, A., Mitakou, S., Halabalaki, M. Traditional uses, phytochemistry and pharmacology of Chios mastic gum (Pistacia lentiscus var. Chia, Anacardiaceae): A review. *Journal of Ethnopharmacology* 254. DOI: 10.1016/j.jep.2019.112485.

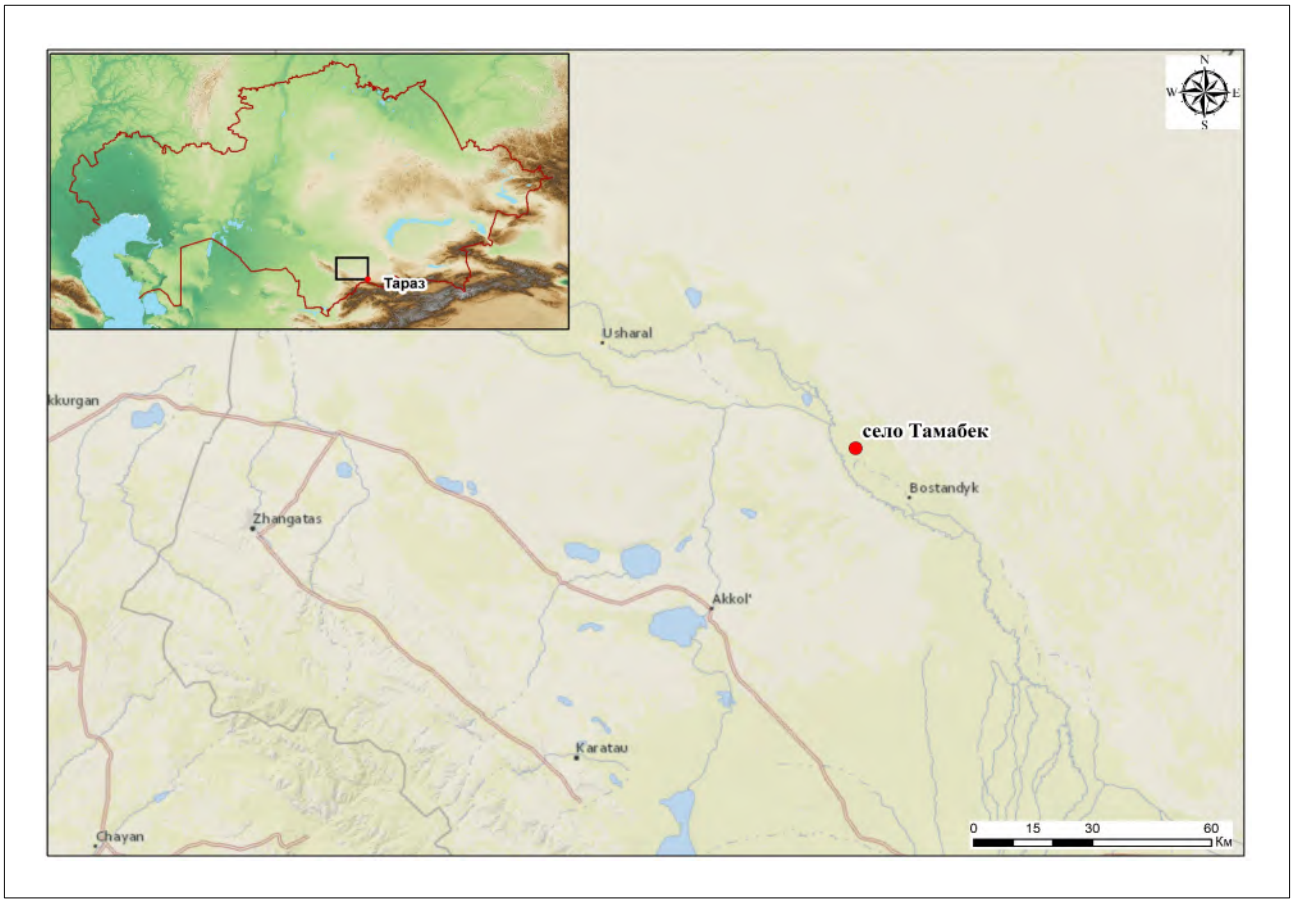

Рис. 1. Местонахождение с. Тамабек (Таласский район, Жамбылская область) на карте Казахстана (за основу взята карта ©Google, 2026). Исполнитель: А. Калибеков.

Fig. 1. Location of the village of Tamabek (Talas District, Zhambyl Region) on a map of Kazakhstan (based on a map ©Google, 2026). Performed by A. Kalibekov.

Рис. 2. Ожерелье из Жамбылского областного историко-краеведческого музея. Фото А.В. Кулиша, обработка А.И. Торгоева.

Fig. 2. Necklace from the Zhambyl Regional Museum of History and Local Lore. Photo by A.V. Kulish, processed by A.I. Torgoyev.

Рис. 3. *1—3* — Тумары из Таразского клада 2017 г.; *4* — тумары из Сокулукского клада. Частная коллекция, Бишкек, Республика Кыргызстан (по Смаилов и др. 2026: табл. XVI: 2, 3); *5* — тумар из Сайрам-суйского клада. Государственный Эрмитаж, Российская Федерация (по Смаилов и др. 2026: табл. VIII: 1); *6—8* — амулетницы-бойтумары. Казахи. XIX — начало XX в. Национальный музей Республики Казахстан. Фото Р.Т. Дарменова.

Fig. 3. *1—3* — Tumars from the 2017 Taraz hoard; *4* — tumars from the Sokuluk hoard. Private collection, Bishkek, Kyrgyz Republic (after Smailov et al. 2026: Tab. XVI: 2, 3); 5 — a tumar from the Sairam-Sui hoard. The State Hermitage Museum, Russian Federation (after Smailov et al. 2026: Tab. VIII: 1); *6—8* — amulet cases (boytumars). Kazakhs. 19th — early 20th centuries. National Museum of the Republic of Kazakhstan. Photo by R.T. Darmenov.